

38.319 р
С 45

Труды Ярославского Естественно-Исторического
и Краеведческого Общества.

Секция КРАЕВЕДЕНИЯ.

Том II, выпуск I.

А. И. СКРЕБНОВ.

ОЧЕРК КАМЕНОТЕСНОГО ДЕЛА
в Ярославской губернии.

ЯРОСЛАВЛЬ 1927 г.

38.319
С 45

Труды Ярославского Естественно-Исторического
и Краеведческого ОБЩЕСТВА.

Секция КРАЕВЕДЕНИЯ.

Том II, выпуск I.

А. И. СКРЕБКОВ.

ОЧЕРК КАМЕНОТЕСНОГО ДЕЛА
в Ярославской губернии.

И-202976-1

Под редакцией Н. Г. ПЕРВУХИНА.

Муниципальное учреждение культуры
"Централизованная библиотечная
система города Ярославля"

ЯРОСЛАВЛЬ 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор очерка, помещаемого в 1-м вып. 2-го тома Трудов Ярославской Секции Краеведения. А. И. Скребков — крестьянин деревни Кстово Яр. у., центра местного каменотесания, и по ремеслу „потомственный каменотес“. Печатаемая его труд, Ярсекр связывает свои работы с производственным краеведением и с широкими народными низами и вместе с благодарностью Главнауке, отпустившей средства на издание очерка, выражает надежду, что этот опыт послужит примером для других краеведов — выдвиженцев из рабочей и крестьянской среды.

Фотографические снимки сделаны фотографом Яргосмузея И. А. ЛАЗАРЕВЫМ.

Редактор.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Свой скромный труд посвящаю
Ивану Петровичу МАЛЮТИНУ.

Автор.

О процессе обработки камня, о быте каменотесов и терминологии ремесла литературы почти нет. Изданием своего очерка „Каменотесное дело в Ярославской губернии“ я хочу дать понятие о каменотесании исключительно только в „Ярославщине“, не теряя надежды в будущем познакомить интересующихся этим ремеслом, с работами мастеров других губерний.

Камни бывают двух родов: естественные и искусственные. Искусственные камни готовятся из разных материалов, а естественные, как выражается каменотес: „Растут сами по себе“. В данной очерке мы имеем дело с камнями естественными.

Камнями называются такие минеральные вещества, которые обладают значительным сцеплением и хорошо сопротивляются атмосферным влияниям. В природе камни попадают в виде: скал, пластов и „булыг“, (т. е. диких кусков). Качество в отношении твердости их, неодинаково. Твердость камня определяется сопротивлением его известному давлению на один квадратный дюйм:

Гранит выдерживает . . .	1600 — 2500	килогр.
Мрамор	1600 — 2000	„
Известковый песчаник . . .	500 — 1600	„
Глинистый песчаник . . .	800 — 1600	„

Что касается прочности камня, то она зависит от химического состава его и от различных физических условий. К причинам, разрушающим камень, относятся: вода, воздух, мороз, огонь. Камни распределяются на слабые, скользящиеся ножом, средние, и твердые, которые, при ударе о них сталью, дают искру. По химическому составу камни бывают: полевошпатные, кварцевые и известковые. К полево-шпатовым относятся: гранит, порфир и лабрадор. К кварцевым: кремнистые песчаники. К известковым породам: мрамор, известковый туф, известняк и мел. Камни находятся повсеместно, одна местность изобилует камнем, другая почти не имеет его. В местностях, где большие залежи, устраиваются каменоломные карьеры, а в других нужный камень приходится долго розыскивать. Ценность камня зависит от его основного цвета, оттенка и крепости. На первом месте по ценности стоит черный, за ним синий и серый. Добыча камня ведется разными способами, о чем будет сказано в своем месте, теперь же следует сказать о каменотесании у нас вообще, в частности за последние 15 лет.

Раньше, в довоенное время каменотесное дело было сконцентрировано главным образом в мраморо-гранитных мастерских городов: Москвы, Ленинграда, Ярославля, Рыбинска, Костромы и др. Но с начала империалистической войны мастерские все позакрывались, мастера разбрелись кто куда, и теперь на весь СССР две-три мастерские, с несколькими десятками рабочих.

В мастерских раньше дело было поставлено так. Работает 10—15 человек мастеров у хозяина, он еще берет в выучку мальчишек сроком на 5 лет. Через пять лет ребята выходили квалифицированными мастерами. Мастерских таких по России насчитывалась не одна сотня. Да и в деревнях дело было развито хорошо, но с началом войны все замерло: мастера многие ушли на войну и не вернулись, а вернулись, так калеками. За 15 лет из молодых не вышло ни одного мастера. Да и со стороны Госучреждений и Профорганизаций мало уделяется внимания столь необходимой квалификации в строительной технике. Чтобы не быть голословным, я привожу здесь письмо ЦК Строителей, вот оно:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Всесоюзного Профессионального Союза строительных рабочих.

Гр-ну СКРЕБКОВУ Александру Ивановичу.

1/XI 1926 г.

г. Ярославль, Волжская наб. 53, кв. 3.

№ 216—126.

О КАМЕНОТЕСАХ.

На Ваш запрос Центральное Бюро Инж. Техн. Секции Союза Строителей сообщает, что союзом Строителей учета каменотесов не ведется, почему и сведения о количестве их мы дать не можем.

Точно также не регистрируются о места и род производства работ, почему сведений и производстве каменно-гранитных работ в ЦК Строителей тоже нет.

Частично интересующие Вас сведения о работах ЦК ИТС полагает, Вы сможете получить в Отделе построек жел. дор. НКПС (ул. Коммуны, б. н. Басманная, 2), Моск. Комм. Хоз-ве и Ленинградском Комм. Отделе.

Подписи.

К письму ЦК Строителей я должен добавить еще, что нужных мне сведений я ниоткуда не получал. Как ни горько, а приходится сказать: каменотесное ремесло пока находится в забросе.

Возникновение каменотесания в Ярославщине

Трудно утверждать, кто первый принялся работать, кто занес это мастерство в Ярославщину. Может быть оно существует здесь с тех пор, когда камень заменял железо и другие металлы. Собранные в Ярославском Музее молотки и топоры, возможно, сделаны прапрапрадедушками современных мастеров. Хранящиеся в Ростовском Музее Ярославской губ. надгробные каменные кресты, можно думать, сделаны также местными мастерами, около пятисот лет тому назад (имеются даты). Но сделаны они не первоученком, а мастером, уже овладевшим этим мастерством в полном смысле этого слова. А если вы зайдете и посмотрите любое более древнее кладбище, оно расскажет вам своим гранитным, (именно гранитным) языком о том-же, что наши предки каменотесанием занимались и были художниками своего дела. Наши кладбища полны надгробными памятниками; кроме простой, как по замыслу, так и по исполнению гробницы, здесь найдешь и кресты тонкой, изящной работы и урну, и богатый в архитектурном смысле памятник, и памятники—кресты в виде растущего дерева, и затейливую „словорубь“. Но ни одного одинакового, это музей, который собирался веками.

Но кто-же все-таки первый в Ярославщине принялся за каменотесание? При всех моих усилиях на этот счет мне удалось узнать следующее: В первой половине XIX века каменотесным делом занялся крестьянин Ярославской губернии и уезда, Диево-Городищенской волости (бывш. Красносельской) дер. Кстово—„дедушка“ Дмитрий СКРЕБКОВ. Познание в этой области он будто-бы получил случайно в Тверской губ., ездивший туда по какому то делу.

Примечание. Но несомненно и у этого „дедушки“ были какие то предшественники, имена которых забыты.

По рассказам стариков в д. Кстово, каменотесанием занимались „испоконь веку“. Еще при крепостном праве, значительно раньше, чем дедушка Дмитрий СКРЕБКОВ, работали: Иван КУЗНЕЦОВ, Захар ГАГАРИН и др.; они вырабатывали мукомольные жернова, точила, тесали плиты для погребных ям и выкладывали последние. До 70-х годов каменотесание не шло дальше выработки упомянутых предметов, и только позднее, в связи с развитием фабрично-заводской промышленности, путей сообщения (куда гранит потребовался в большом количестве) работа быстро развилась и захватила собою все мужское население не только д. Кстово, но и окружающих деревень: Гридино, Левино, Теляково, Ивановское. Перечисленные деревни находятся на окраине Д.-Городищенской (б. Красносельской) волости, Ярославского уезда, а за своеобразное ремесло получили одну общую кличку: „Каменотесная окраина“, которую не потеряли и теперь. В дальнейшем, в виду обобщения мастеров из перечисленных деревень, я позволил их называть просто „окраинские мастера“. Если судить по развитию дела, то на первый взгляд кажется, что в Окраине до дедушки Дмитрия никто каменотесанием не занимался, т. к. дело начиналось с самых простых по обработке предметов. Но так-ли это? По моему, нет. Заключение я вывел на основании следующего факта: с началом войны в 1914 году каменотесное дело упало так, что

трудно было заметить существование его. В первые годы около дворов, в заулках еще валялись вороха щебенки, которая получается при работе, а позднее щебенку развозили под фундаменты домов (под углы), остатки засыпали мусором, и они заросли репейником и крапивой. Достаточно было бы еще 10—15 лет, чтобы каменотесание забылось совсем, и если-бы оно „традиционно“ возникло когда-либо, процесс развития его, наверное снова повторился бы. Я твердо стою на том, что каменотесание в Ярославщине дело старое, но в силу каких-то обстоятельств, оно Украинцами бросалось — позабывалось, а потом они это мастерство поднимали, учились т. е. повторяли то, что их предшественники делали — когда-то. Факт тот, что этот каменотесный уголок является единственным в „Ярославско-Костромском“ крае, где из рода в род передается, (пусть не всегда аккуратно) это редкое ремесло.

Для установления истины о возникновении дела, я ходил ко многим старикам этих деревень, один из них, из д. „Кстово“ — дедушка Антон Гагарин сказал следующее:

— „Никто не думал о том, что про наше мастерство будут в книжках пропечатывать. Если бы знато было, можно бы стариков пораспрашивать, которых еще мы только-только в живых застали: те все побольше знали, чем „наш подрост“ (дедушке Антону было 85 лет, он недавно умер).

Мне, батюшка мой, известно, что это дело у нас во „Кстово“ еще при господах было, а уж дальше, не взыщи, не вижу, а раз не вижу, и сказать ничего не смогу“.

Слушая дедушку Антона Гагарина, с долей сожаления, приходится сказать себе: в мастерскую, где началось наше каменотесное дело, дверь заперта, ключи потеряны, их нужно долго разыскивать.

Развитие дела.

Первые работы Украинцев — жернова и точила, большого интереса не представляют, т. к. их наверное вырабатывали, (хотя грубо), повсеместно, где был камень, с тех пор, как человек узнал о размалывании зерна, а главное, эти изделия требовались в ограниченном количестве, поэтому работа не могла двинуться далеко вперед, и захватить, как сказано выше, население упомянутых деревень. Работал дедушка Дмитрий, да еще два-три домохозяина, а другим уже работы не хватало. Только с 70-х годов прошлого столетия, когда фабрично-заводская промышленность стала развиваться, строились новые фабрики, заводы, железные дороги, куда каменотесы потребовались в большом количестве. Украинцы „поголовно“ (т. е. все мужчины) приобщились к новому, может быть, и старому, но забытому ремеслу.

Под руководством уже сына дедушки Дмитрия — Петра Скребкова, и кр-на д. Гридино — Андрея Федоровича Самарина закипела работа по обработке и поставке плит на фабрики, под паровые котлы и на железно-дорожные мосты. Плиты делались разных размеров, более сложные выполнялись по „лекалу“, т. е. по деревянной модели, и „выковывались“ сравнительно чисто. Больше десяти лет работа шла усиленным темпом, а потом когда постройки железно-дорожных мостов и фабрик в районе были закончены, работы под руками не стало, и пришлось Украинцам уходить на чужую сторону, иногда далеко от своих родных деревень. Некоторые пошли смело, другие не решались, а принялись дома, около своих дворов, в построенных специально „коузах“, — закутах (рис. № 4), вырабатывать „горки“, вернее, простые надгробные камни. Горка делалась разных размеров, приблизительно так: лицо ее чисто „выковывается“ зад „обделывается“ под

шпунт, имея овальную форму и к низу отлив, на голове у горки бурятся две дыры, в которые вставляется и закрепляется железный крест.

Примечание: По некоторым обстоятельствам иллюстрировать памятник (надгробный камень) в разрезе его развития не представляется возможным, это одно; второе, я считаю, что каждое изображение может служить иллюстрацией к моей брошюре.

Рис. № 1.

Позднее простая надгробная горка стала украшаться так: лицевая сторона фронтоном, разными луночками, поясками, голова отделялась более резкими плечиками, задняя сторона по отливу же обделывалась „под яблоко“. Рост ее старались увеличить, а через несколько лет из „горки“ вырос богатый по архитектурному замыслу памятник. От горки он отличался тем, что ростом был много выше и все четыре стороны у него были „кованные“ и украшены: откосами, валиками, отсечками, прямыми, косыми, „галтерями“, (особый рисунок архитектурного характера), поясками узкими, широкими; фронтоны обтягивались разнovidными карнизами, голова делалась кувшином, и т. д. При этом лицевая и задняя стороны были одинаковы, боковые же от них отличались, как размером, так и архитектурными деталями. Позднее памятники в большинстве случаев отполировывались. В архитектурных деталях лицевая сторона гармонировала с задней, боковые же между собою. Одинаковых памятников не делали: каждый мастер прозек сочинял для себя сам и старался свое произведение чем-либо отделить от произведений дру-

гих мастеров, лишь некоторые пользовались готовыми рисунками и работали под руководством более опытного лица. За 25-ть лет усовершенствовался из примитивной горченки, ценившейся в 2 рубля, богато-архитектурный памятник, оценивавшийся по довоенному времени до четырех тысяч рублей. Наряду с надгробными памятниками Окраинцы сделали несметное количество гранитных тумб, которые стоят на улицах наших городов, соорудили множество железно-дорожных, шоссеино-дорожных мостов: в Смоленской, Новгородской, Ленинградской, Московской, Ярославской и др. губерниях, без счета построили гранитных крылец у церквей, театров и др. зданий, имеющих общественное значение, тесали и клали цоколь, изготовляли плиты для кондитерских фабрик, вальцы для краскотерочных заводов, жернова, точила, работали, как реставраторы; приходилось быть и каменобойцами. С 1914 года дело было постепенно забыто, но с 1923 года Окраинцы с новой энергией принялись за дело: они работают краскотерочные вальцы и снабжают ими весь СССР. За последние 2 года ими сделано вальцев до 300 штук. Много выполнено и других работ.

Наряду с усовершенствованием надгробного памятника, Окраинцы много потрудились над полированием и рубкой слов. Год от году вкусы публики росли, какая-то простая горченка потребителя удовлетворять не стала, товар требовался хорошо и чисто сработанный. Пусть будет дороже, но покрасивей и почище, — в силу необходимости пришлось заняться полированием. Техники полирования из Окраинцев никто не знал, и мастера-передовики позадумались, но немного погодя Петр Дмитриевич Скребков принял за дело. Интересно начало работ. Дело было осенью. Трех-рублевая горка была затасана в „омшанник“ (омшанником называется задняя изба, построенная для скота, зачастую она же служит и баней), заготовлен был ворох речного песку, врезан кусок железа в деревянную колодку. С тем и дело началось. Полирует дедушка Петр горку день, два, неделю, месяц, камень начал лосниться. Каждый день набивается полный омшанник каменотесов и любопытствующих баб; они следили как дедушка, посыпая песком, с усилием шаркал неподатливый гранит, временами грязный песок смывал водой, обращая внимание „глазеющих“ на результаты работы и снова принимался за работу. Первая горка полировалась изо дня в день целых три месяца. Семья на дедушку Петра ворчала: „Принялся дескать за полировку. Другая работа стала, заработок прекратился, а что дает ему полировка-то? Ничего. На шашках-бы больше заработал“. Шашками называются мелкие плитки, обтесанные „на серо“ кругом, делают их первоученики и старики, у которых плохо зрение; употребляют они на цоколь могильных и других легких железных решеток. Но дедушка Петр был крепок в своем решении, на ворчанье своей семьи не обращал внимания и делал свое дело. Вообще Окраинцы народ упрямый, любознательный, с крупницей гордости. Каждый старается друг другу „втереть очки“, щегольнуть своей смекалкой, „изобретением инструмента“, сделать „памятничек позакумыристые“, т. е. покрасивее, одним словом, доказать, что мол я лучший мастер среди вас, и вы по работе мне в „подметки“ не годитесь. Всю работу Окраинцев я сравниваю с большим неофициальным конкурсом на лучшего мастера „каменотеса-полировщика“. Через три месяца лицо у горки заблестело; радость у дедушки Петра была не обычайная. Старики рассказывают: с этой радости он пил целую неделю. В городе за такую горку ему заплатили в четыре раза дороже, чем за простую, неотполированную, но все равно дедушке Петру было не выгодно: добрая половина зимы у него пошла на полировку, на простых горках он бы заработал в 10 раз больше, но как рассказывают, утешал он себя одним: Пусть я не заработал, за то другим путь проторил, пусть идут готовой дорожкой, да меня старика вспоминают.

С тех пор посыпались заказы на полированные изделия, и пришлось за дело браться обеими руками. Молодые мастера полирование усовершенствовали в полном смысле слова. Иван Яковлевич Скребков был один из лучших мастеров и организаторов этого дела; пустил в работу наждак, стальной порошок „харбарум“ (карборунд), последний выписывался большей частью из-за границы. Позднее Михаилом Андреевичем Самариним был применен перетертый наждак. Применение упомянутых материалов ускорило процесс полировки. Раньше, например, дедушка Петр горченку делал 3 месяца, теперь же эту горку отполируют в 4—5 дней, при желании скорее. Теперь, например, установлено, что времени, как на обделку камня, так и на полировку затрачивается равное количество. Успех полирования дал возможность Украинцам сдавать товар большей частью в полированном виде. Несмотря на то, что приходилось покупать для этого сравнительно дорогие материалы, все затраты оправдывались сторицей.

С развитием полирования, потребовалась чистая „словорубь“, о которой в Украине раньше так же не имели никакого представления. Раньше было так: на лице горченки черной краской нацарапают „такой-то спит под сим камнем крепким, вечным сном, происходит оттуда-то, родился тогда-то, умер тогда-то, жил столько-то, или прикреплялась проволокой к кресту „жесточка“ с аналогичной надписью, иногда с целым стихом по умершем“ и т. д. Но на лице чисто отполированного памятника сделать этого было никак нельзя.

Новое дело взял на себя снова Иван Яковлевич Скребков: он прекрасно изучил существовавшие тогда шрифты и обучил много своих соратников по работе этому новому делу. Рубка слов должно быть не легко далась Ивану Яковлевичу; в его доме дверные косяки, а также и в горнице и сенях изрисованы буквами из разных шрифтов. Позднее он работал уже, как мастер в монументных мастерских г.г. Москвы, Ленинграда, Ярославля, Рыбинска и др. Словорубь выполнить может, конечно, не каждый каменотес: эта работа требует умения чертить, тщательно править и закалывать „скарпели“,*) что не нужно для другого, более грубого инструмента.

На кладбищах городов и сел русских на надмогильных памятниках вырублено множество эпитафий, а иногда целых больших стихов—этим неутомимым работником. Позднее в совершенстве этим делом овладели: Михаил Андреевич Самарин (он сейчас является душой каменотесного дела), Василий Петрович Скребков и др., у последнего есть порывы к художественному творчеству, но его малообразованность и материальное положение не дают ему осуществить своих замыслов.

Добыча камня.

От добычи камня в Ярославщине зависит успех дела, т. к. приходится пользоваться булыжником, который разбросан большей частью в лесах и полях. В поиски камня Украинские каменотесы уходят „куда Макар телят не гоняет“, иногда за несколько десятков верст от своей деревни. Ведь около Украины „вычерпано“ камня бесчисленное количество.

Преимущественно камень запасается с осени на целый год, или во всяком случае, на зиму, так как зимой камень взять не представляется возможным, а разыскивать его под снегом тем более не возможно. (Я здесь не говорю о каменоломных карьерах, т. к. в Ярославщине у нас их нет, поэтому описание таковых в мою задачу в данный момент не входит). Во-

*) Пояснения названий инструментов см. ниже, в особой заметке.

оружившись ломом, лопаткой и другим необходимым инструментом, каменотес в летнюю пору отправляется в лес розыскивать камень. Камни бывают разных достоинства, поэтому каждый из каменотесов старается найти лучший. В Ярославщине попадаются цвета: черный (изредка) с крупной перламутровой блеской, синий с крупной серебряной блеской и серый, пересыпанный разновидными блесками. К работе камни тоже не одинаковы: черный и синий цвет очень крепки, серые цвета слабее. Черных камней попадает сравнительно меньше, чем синих, серых же наоборот больше. Камни разбросаны где ни посмотри, но не каждый такой камень пригоден к работе: долгое время лежащий на поверхности земли бывает „якообразной“ формы (точно кто его обессал), зачастую он бывает худой. Каменотес его называет „жареной камень“, потому что он лежит, и его солнце прожаривает.

Рис. № 2.

Жареный камень для каменотеса пустое место, он ищет камня, скрытого от человеческого глаза под земной корой. Бродит порой целую неделю попусту, а то в день найдет целый десяток. Нужно заметить, что у каменотеса выработалось особое чутье к поискам камня. Он, как охотник, идет, озирается, вступил ногою на камень и уже чувствует: раскопает, посмотрит, плох, так оставит, а „дела стоит“, — замаскирует, чтобы другому, такому же, как сам „охотнику за камнями“ не попался. При первой же возможности он его извлекает из земли, подвозит к своему „козу“ и работает из него то, что ему заблагорассудится. Пока камень находится в лесу, он считается общественным достоянием; это теперь, а раньше принадлежал тому, кому принадлежала земля. Бывало каменотес воровским манером брал этот камень, но если к нему приходил сторож, то преследовал как и за лес, т. е. брал взятку, или дело передавал хозяину, который взыскивал стоимость камня через суд. Большею частью такие дела до хозяина через сторожей не доходили, разве уж кто „со стороны дохнет“ (скажет) хозяину, тогда и сторожу было жарко. Так дело обстояло с добычей камня для работ

на дому, другое дело было с добычей такового на больших работах, скажем, на мостах, крыльцах, „опушках“ рек, закрепляющих их берега и т. п. подрядах. Здесь избирается ближайшая местность от того, или иного сооружения, богатая камнем, камень этот на месте по известным размерам обделывается для легкости при переборке гужом или железной дорогой. Например на волжский железно-дорожный мост в г. Ярославле камень добывался частью в Пошехонском уезде и Ярославском, и частью в Череповецкой губернии. За все время работы Окраинцам приходилось черпать камень, кроме своей губернии, из Новгородской, Тверской, Ленинградской и др. Делать это им было легко, т. к. они большей частью выполняли заказы общегосударственного значения. В Ярославской губернии самый большой по размеру камень найден в 1880 году близ Окраинских деревень, в местечке „Кусково“. Из него Окраинские каменотесы выработывали около двух лет плиты под паровые котлы и на железнодорожные мосты Цветом этот Ярославский „чудо-камень“ серый с красноватым оттенком; место, где он лежал, представляет из себя теперь большой пруд, куда молодежь окружающих деревень в летнее время сходятся на гуляние. Часто делают привал на этих живописных бережках, поросших кудрявым березняком, местные и приезжие охотники. Прошло много времени с тех пор, когда Окраинцы раздробили этот камень; старики умерли, молодежь этому камню не придавала значения и не интересовалась им. Только в 1923 году дном этого пруда заинтересовался и пощупал что там есть Михаил Андреевич Самарин. Там оказалось много осколков, размером $1\frac{1}{2} \times 1$ метр, Самарин вытащил их до 70 штук и выработывает из них краскотерочные вальцы. В общем же о добыче камня задумываться не приходится: его на территории СССР достаточно, лишь только следует знать, где какой камень находится, и на что его целесообразнее употребить.

Способы обработки.

Предположим каменотес после долгих скитаний камень в четырех, пяти верстах от своей деревни, нашел, окопал его, землю отбросил прочь, рассмотрел, что он из себя представляет, и надумал, что с ним предпринять. Если камень небольшого размера, мастер вывертывает его из ямы на ровное место, если же большой, не под силу, то колет его на месте. Колетса камень двумя способами: „пунчетами“ и порохом. В том и другом случае бурятся дыры по тому направлению, как желательнее расколоть, глубина дыр зависит от крепости и размера камня. Чем больше и крепче камень, тем глубже нужны дыры. Самое бурение дыр идет таким образом. Бур стальной (может быть разной толщины) отостренный на подобие слесарной „скарпели“. Мастер поворачивает и ударяет по нему „киянкой“; камень медленно сминается, образуя каменную пыль, которая из дыры выбрасывается приспособленной деревянной лопаточкой. У камня есть слой, с которым тоже приходится считаться, придерживаясь при колке, чтобы расколоть по слою. Нужное количество дыр пробурено. В первом случае, т. е. при колке пунчетами, вставляются таковые с закладками в дыры, и по ним ровно ударяют „кувалдой“. При таком способе камень быстро разлетается. Колка порохом сравнительно труднее. Она применяется в тех случаях, когда пунчетами камень расколоть не представляется возможным. Дыры при колке порохом бурятся глубже, чем при колке пунчетами, иногда они достигают $\frac{1}{2}$ метра и глубже, смотря по камню, но чем глубже дыра, тем лучше. В дыры вставляются согнутые из листового железа трубочки, набитые порохом, концы их выходят на поверхность камня и соединяются скрученными из льняного волокна и смоченным керосином шнуром, „фитилем“, как называют камено-

тесы, причем конец его на несколько сажень, отводится в сторону, а свободное пространство в дырах заполняется истолченным сырым кирпичем. Когда все приготовлено, конец отведенный в сторону у фитиля зажигается, фитиль быстро вспыхивает, добирается до трубки, порох воспламеняется, и камень рвется. Колка порохом иногда бывает и неудачна т. м., что камень рвется не так, как бы хотелось каменотесу, но это большого ущерба ему не приносит, т. к. камень все-таки выходит большими кусками, из которых можно сделать ту или иную хорошую вещь. В расколотом виде его „вагами“ („вагой“ называется толстая березовая жердь) выкатывают из ямы, а иногда при помощи лошадиной силы канатом, сортируют по размеру, а иногда раскалывают еще пунчетами. Лишнюю тяжесть сбивают в две руки, (см. рис. № 1) при помощи „закольника“. Один захватывает „закольником“ что следует отбить, другой бьет по закольнику кувалдой. Грубые работы, как-то: плиты, тумбы, ступени для крылец делаются на месте родины камня, особенно, когда большой заказ, а если работы „чистые“: памятники, гробницы и вальцы, то они делаются около домов, „коузах“ куда камень подвозится в необделанном виде.

Первая работа после околки, это отеска шпунтом (см. рис. № 2). Шпунтованием камень выравнивается от больших ям и горбов. Шпунтование самая тяжелая работа, особенно на крепком камне: сталь „не стоит“, мнется, или уже летит крошками; мастер держит в левой руке шпунт, правой ударяет киянкой, шпунт медленно ползет, оставляя за собой беленькую полоску. Когда вещь прошпунтована, ее „наминают“, т. е. сравнивают сделанные шпунтом бороздки, камень делается с мелкой шероховатостью, по которой идет „киюра“ тяжелая, затем легкая. Под полировку выковывается, как можно чище, а также и под шлифовку. Иногда в процессе работы шпунтом выхватывается „лощина“ и выправить ее не удается, тогда прибегают к искусственной заделке таковой. Кусок того-же самого камня мелко дробится, делается как мука, разводится на „шеллаке“ (шеллаке), то место, где должна производится заделка лощины нагревается, а потом разведенной на шеллаке массой замазывается. Остывши, она берется так крепко, что и камень другой слабее бывает. Но заделка эта может стоять не больше 10 лет, а потом поддается разрушению, отваливается от тела-камня, и кроме того, она „боится дробы“, т. е. дробления, например краскотерочный валец заделывать ни в коем случае искусственным образом нельзя: моментально отвалится, потому что он все в движении. Здесь чистотаковки и размер должны быть выполнены безукоризненно, в противном случае работа принята быть не может, да и сами каменотесы свою репутацию не теряют, и где не следует, к искусственной заделке лощин, не прибегают.

Самые трудные моменты в каменотесном деле, это, конечно, выработка архитектурных деталей и разнохарактерных орнаментов, а также пробуривание дыр на краскотерочных вальцах (см. рис. № 3). Выработка архитектурных деталей требует большой практики и терпения; орнамент, кроме перечисленных качеств, еще художественного чутья, бурение же дыр на вальце напряжения-силы, и может скорее других изделий принести каменотесу убыток: разлетится валец на двое, и труд, затраченный на обработку, пропадет даром.

Длительность процесса обработки того или иного предмета зависит от способности мастера, а также от крепости камня, а поэтому затрачиваемое время точно высчитать не представляется возможным. Приблизительно мастер средней руки, при двенадцати-часовом рабочем дне, делал раньше:

Пятиглавый памятник 1 год

Одноглавый (т. н. „мудреный“) от 3-х до 6 мес.

Простой одноглавый от 3-х до 6 недель.

Краскотерочный валец размер 1 X $1\frac{1}{2}$ метр. — до $1\frac{1}{2}$ недель.

Простую горчонку 1 день.

Плиту для котла или моста 2—3 шт. в день.

Ступень для парадного крыльца с „напуском“ обсечкой — 1 неделю.

Расчет делается из готового камня, а о камне я говорил, что иногда он достается легко, а иногда трудно, причем на больших работах приходилось не только тесать камень, но и класть его в готовом, сработанном виде на дело. Эта работа тоже серьезная, на которую следует обратить сугубое внимание. Представьте себе выкладку лобовых ледорезов на железнодорожных мостах через большие реки, или винтовых лестниц. На таких работах они большей частью работали поденно с платой 6—7 рублей в день. Теперь же заработок понизился, благодаря частных посредников, и каменотес, при той же затрате времени, зарабатывает сдельно от 90 к. до 1 р. 50 к. в день.

Рис. № 3.

Механических усовершенствований Окраинцы не применяют: бурение, распиловка, ковка, полировка и рубка слов, — все выполняется ручным способом. Механизация этого производства раньше была в больших каменогранитных монументных мастерских. Там было применено электричество: в тот, или иной молоток, или кияру включался при помощи штепселя ток, и мастер, только приходилось регулировать, где нужно „выковать“. Но шпунто-

вание механизировано не было. Для рубки слов были тоже машинки Работали они песком: струя песку направлялась по известному направлению и глодала гранит, а потом ручным способом уже подправлялась та или иная буква.

Распиловкой камня достигается цель получить тонкие гранитные доски. Мягкие, скользящие ножом породы распиливаются обыкновенной пилой, как и дерево, твердые же породы распиливаются особой пилой без зубцов, т. е. полосой котельного железа толщиной 0,1 дюйма, шириною от 5 до 10 дюймов; длина пилы может быть разная, но никак не меньше, чтобы она была на $\frac{3}{4}$ метра длиннее распиливаемой плиты. Такая полоса удерживается в деревянный станок, по внешнему виду сходный с обыкновенной лучковой столярной пилой. Концы полосы прикрепляются к вертикальным брускам станка при помощи специальных скобок; в середине бруски распираются также, как и у столярной пилы распоркой, вверху бруски стянуты прочной веревкой, подкручивая которую, можно натянуть полосу до желаемой тугости. Для удобства распиловки делается особое приспособление: укрепляют горизонтальный брус на козлах; на этом бруске имеются два блока, через которые перекинуты веревки, одним концом веревки привязаны к пиле, к другому же подвешивается груз. Груз не дает косится пиле на сторону, а трения веревки о блоки достаточно, чтобы пила не поднималась вверх. Самая распиловка ведется так: смотря по тому, как мастеру хочется распиливать камень, по тому направлению проводится черта, по которой устанавливается плотно пила. Самый разрез обводится деревянными прямыми брусками, между ними насыпается песок, который попадает под полотно пилы и царапает камень. Более твердые породы распиливаются довольно медленно. Когда пила углубится на достаточную толщину, бруски отнимаются, грязный песок промывают, подсыпают свежего; допиливши до половины камня, его „перекантовывают“ и пилят с другой стороны навстречу. Распиловку камня делают большей частью в обделанном виде например, крест делается из гранита толстый, так его удобнее работать а потом он распиливается на 3, на 4, части, получается из одного 4 креста тонкой изящной работы.

Грубая обтеска камня делается „под провилку“ (по бруску), очерчивание тех или иных предполагаемых деталей намечают углем приблизительно. Выработка же мелких деталей и рознохарактерных орнаментов тщательно размеривается и расчерчивается обыкновенным простым карандашом. Во время обработки камня приходится поворачивать „кантовать“ с боку на бок, посмотришь, эта работа очень трудна, на самом же деле идет без большого затруднения: один „не ражий“, (не из сильных) мужичек поворачивает камень на 800 и 1000 килограмм. Делает кантовку он при помощи лома через деревянные катыши и осколки того-же камня на перевес. Несомненно делается это с особой ловкостью, которая выработалась в каменотесах, благодаря их большой практике, нужна и смекалка, как выражаются каменотесы, а то „хряпу“ (т. е. спину) можно на ломать даром. Трудно себе представить, что на такой работе, как каменотесание, где приходится тратить много физической силы, могут работать даже инвалиды, из них я некоторых назову: Иван Никонорыч Самарин из д. Гридино, с переломанной ногой на костыле „щупленький“, небольшого роста мужиченко считается один из лучших мастеров. Работает он сейчас краскотерочные вальцы Николай Григорьевич Балакирев из д. Теляково, не имеет на руках ни одного пальца; прикрепляет он, как сам выражается к своим „кулемкам“ инструмент ремнями и вырабатывает все, что ни вздумает.

Умело расколоть камень, это значит на 50% обеспечить себя в успехе выработки того, или иного изделия. Своя же смекалка на протяжении всей работы необходима. За последнее время Окраинцы стали получать за-

казы на свои изделия из Саратовской, Смоленской и др. губерний. Молодежь подумывает это производство механизировать, но это дело пока что с места не двигается из-за распыленности мастеров. Единственно, что может двинуть дело вперед, это кооперирование каменотесов, но об этом пока что почти никто не задумывается.

Об инструментах.

Узнавши кое-что об обработке камня, не лишнее будет узнать об инструментах, которыми обрабатывается камень. Перечислять весь инструмент не представляется возможным в силу следующих обстоятельств. Бывает такой момент в работе каменотеса, что основным инструментом сделать то, или иное дело нельзя. Он тут-же, требуемый случаем инструмент, изобретает, переделывает его на другой инструмент и т. д. Из таких „однообразных“ инструментов можно назвать следующие: шпунт кривой, — он употребляется в тех случаях, когда в вальце дыру скопишь, так ее выправить, т. е. стесать внутри дыры с одной стороны; шпунт с двумя клювами для разработки („расправки“) четырехугольной дыры и т. д. Переделке этот инструмент подвергается из-за экономии стали, особенно теперь, когда ее нет, а если и есть, то стоит она сравнительно дорого: не по карману заплатить 100 руб. за 16 килогр., да еще какая сталь попадет. Бывает, эти 16 килограмм изобьешь в неделю, и ничего не на работаешь: попадает или очень мягкая, или уже очень крепкая. Перечисляю основные инструменты:

Лопатка.

Железная, может быть разного размера, присаживается на длинном черенке.

Лом.

Железный, не тоньше 1-го дюйма, круглый, или граненый, с одного конца заостренный.

Бувалда, (или)

Молот, килограммов на 6, на 7, смотря по силе рабочего, может быть легче и тяжелее, присажен он на рукоятку не длиннее аршина.

Закольникки.

Тяжелый закольник, вроде кувалды, с особым зубом для захватывания („закусывания“) камня на одном конце, а по другому бьют кувалдой. (см. рис. № 1). Ручной же закольник из обыкновенной дюймовой стали, круглый, или граненый, с таким же зубцем, разница лишь в том, что по большому закольнику бьют кувалдой а по ручному, сам же каменотес бьет киянкой. Тяжелый закольник применяется, когда скалывать приходится камень „на серо“, ручной же требуется при приколке мелких работ, например в выработке деталей, уголков, „разуголков“, и т. п. Работают им, как и шпунтом.

Киянка.

Молоток от 1-го килограмма и тяжелее, смотря по силе мастера. Присадку мастер делает сам, как ему ловчее, зачастую без привычки каменотес чужой киянкой не может работать. Киянку можно поставить одним из самых важных инструментов. Каменотес без киянки, „как без рук“.

Шпунты.

Дюймовая сталь, круглая, или граненая, нарублена кусками, не длиннее 15 дюймов, с одного конца отостренная точкообразно. В процессе ра-

боты шпунт „подрабатывается“ (притупляется), а также и с другого конца, от удара киянкой, шпунт мнется и делается „с кудреватой головкой“, становится все короче и короче, пока уже нельзя работать (руки пришибает); тогда каменотес шпунт переделывает на пунчет.

Пунчеты и закладки.

Как уже сказано, пунчеты делаются из подработанных шпунтов, форму они имеют оттянутую, к низу потоньше. Закладки,— это куски железа плоские, к низу имеют утолщение, вставляется утолщением к низу.

Наминка.

Молоток килограмма на 2, на 3, сточкообразным тупым заострением. Цель наминки— „сминать“ рубцы, которые бороздятся при шпунтовании; для плоских работ, например для плит, употребляется „бучарда“, т. е. обыкновенная киянка, один конец которой на гранен клеткообразно. Бучардой наминать удобнее и экономнее, чем наминкой.

Клюры.

Это разных размеров молотки, заостренные „на-нет“, к одному концу вдоль и поперек рукоятки.

Бур или скарпель.

Дюймовая сталь, нарубленная, как и для шпунтов, иногда длиннее, заостренная с одного конца, как долото, причем у бура заостренный конец делается по шире, чтобы по мере углубления, бур вращался свободно. У скарпели же конец делается не шире дюйма, т. е. толщины стали; употребляется она при реставрационных работах и выработке мелких деталей, а также рубке слов.

Габай.

Это исключительно местный инструмент из 3-х, 4-х дюймовой стали, один конец его обделывается так называемой „шляпой“, причем шляпа эта рубчатая. Габай изобретен Михаилом Андреевичем Самариним. (Употребляется габай для бурения дыр в краскотерочных вальцах. (См. рис. № 3).

Наугольник.

Бывает железный, но большей частью деревянный, при грубых работах особенно, а при мелких железный, как более легкий.

Циркуль.

Циркуль каменотесу требуется не часто. Бывают они кустарной работы, а то и самодельной, железные и деревянные, размеры вычисляются на дюймы, линии прочерчиваются „по правилке“ по деревянному бруску.

Вот приблизительно тот основной инструмент, которым пользуется Украинский каменотес.

Примечание: Я не касаюсь здесь инструмента, который употребляется в каменоломнях, т. к. я уже выше сказал, что описание каменоломен в мою задачу не входит.

В процессе полировки ему нужен утюг (или колодка), а для словоруби—готовальня, мелкие скарпели, и молоточки.

Каждый мастер—каменотес оправку (отвастривание) инструмента делает себе сам. Для этого нужна, хотя немудреная кузница, или во всяком случае, наковальня, мех, и посудина с водой. Так в большинстве случаев и бывает. От оправки и закалки инструмента облегчается или затрудняется работа, а поэтому каждый старается закалить инструмент, чтобы он был не крепок, не мягок, а в самый раз. Безусловно, оправку и закалку делают не

все одинаково: один хорошо, другой по хуже, а в общем все "на зря-ум", как выйдет.

Носят инструмент каменотесы в плетеных из прутьев корзинах. Если едут работать далеко от родины, отправляют его багажем, так как он иногда бывает очень тяжелый, запаковывают его в мешок, что-бы не рассыпался, а сами отправляются на-легке. Вот приблизительно все то, что можно было сказать об инструментах, которыми пользуются, и навечно еще долго будут пользоваться „Окраинцы“.

Рис. № 4.

Сбыт изделий.

Раньше, как я уже сказал, Окраинцы работали артелями, и большей частью „от казны“, так что дело было со сбытом проще. Предположим, делают какой либо мост или крыльцо, и они получают определенную плату со штуки, или в день, или за вершок обделаного камня. По их уполномочию брал кто-либо подряд, или кто-либо снимал такой подряд самостоятельно и набирал уже от себя рабочих, снова по определенной цене, так что здесь каменотес ничего не проигрывал. Но это в летнее время, а зимой? Зимой было не то: Окраинцы приезжали и с осени работали надгробные памятники и другие предметы каждый по себе, возя в город Ярославль продать свои изделия; перевозка большей частью была гужевая, (см рис. № 4).

В городе был целый ряд монументных лавок, в которые можно было сбыть товар. Иногда его брали охотно, а другой раз жали торговцы каменотесов довольно крепко, но обратно такой тяжелый товар возить небыло смысла.

Сбыт изделий и сейчас не оставляет желать лучшего. Факты эксплуатации, более резкие, чем в довоенное время. Вот я их приведу здесь: в 1923 году краскотерочной промышленности потребовались в большом количестве вальцы. Руководители предприятий не знали видимо, где их можно заказать. Ярославские торговцы пронюхали это дельце, и подряд на поста-

вку краскотерочных вальцев взяли по 120 руб. за штуку. Приехали они в Окраину и сделали твердый заказ по 60 руб. за штуку, а по 60 руб. осталось у них в кармане. Окраинцам нужно было заготовить камень, сделать его; отвезти в город и нести расходы; получается, что они возятся почти даром, т. к. 50⁰/₁₀₀ стоимости вальца уже отхватили посредники. Так это делается и до сего времени; одни Ярославские Краскотерочные Заводы непосредственно заказывают вальцы Окраинским каменотесам, что конечно той и другой стороне выгоднее.

В заключение скажу несколько о жизни самих каменотесов. Прежде всего каменотесание в Окраине — подсобный заработок. Каменотесы все являются и землепашцами. Правда урожай на почве супесчаной или почти на голом песке, бывают: ржи сам — 3, редко — 4, овса сам — 5—6 картофеля сам — 7—8, заставляют их целый год где-то подрабатывать и поддерживать тем свои слабые хозяйства. Тогда, когда дело кипело во-всю, тогда каменотесы дышали, что называется посвободнее, с упадком дела и каменотесам туго пришло. Постройки для жилья мастеров неважные: дома из плохого леса, 4 X 4, 4 X 3, 5 X 6 метр двory холодные, редко есть у кого теплые омшаники. Из „холостых“ построек: сарай, амбар, рига. В деревнях на 30—40 домов 2 колодца, способ вычерпывания с „бараном“ (валом) и крюком. Прудов нет, противопожарная охрана — нельзя хуже быть: одна машина на всю Окраину. Формы землепользования: трехполка. Земля переделизуется по едокам. Питаются большей частью „родимой картошкой“, при хороших заработках едят мясо.

Скота: лошадь, корова, редко две, да пара маток овец на хозяйство. Сельско хозяйственные орудия — обычные плуг, борона, соха, хлеб обмолачивают цепом. Обрядность при свадьбах, похоронах, праздниках держится сравнительно прочно.

При заработках Окраинцы — народ веселый и скандальный, любит „за ворот заложить“; по ихнему выходит: „Мучайся душа полгода, царствуй час“. Мужики на вид не из жирных, а крепкие сами по себе. Грамотность — 70⁰/₁₀₀.

